

ФИЛОСОФИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЯ НАВИГАЦИИ ЧЕЛОВЕКА. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА (вопросы к проф. С.А. Смирнову. Институт философии РАН. 18 июня 2019 г. ауд. 313)

Уважаемые коллеги! Мы с Сергеем Алевтиновичем продолжаем уже начатый спор. В прошлом году в журнале «Человек.RU» вышел мой очерк о его творчестве последних лет, который я озаглавил как «Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки)». К сожалению, он тогда не успел ответить на мои вопросы и интерпретацию его идей, но теперь, надеюсь, у нас будет достаточно времени, чтобы «расставить все точки над i». У меня будет ровно 13 вопросов, практически по одному на каждый его тезис. 13-й вопрос я ему задам без увязки с его тезисами. Буду надеяться, что наша философская дуэль приобретет новое дыхание.

Ю.М. Резник

1. Резник Юрий Михайлович: Центральный вопрос философских рассуждений С.А. Смирнова – поиск человеком своего места в мире. Я вспоминаю в связи с этим старую советскую частушку: «Килька плавает в томате, ей в томате хорошо, только я с какой-то стати места в жизни не нашел». Конечно, я не призываю человека уподобиться кильке из консервной банки, хотя вынужден признать, что многие люди напоминают мне своим поведением вареную рыбу. Они не хотят бороться за своё человеческое достоинство или отстаивать свои человеческие и гражданские права, повинувшись воле власти имущих.

К тому же я хорошо понимаю озабоченность некоторых философов тем, чтобы помочь человеку найти своё место в жизни. Их созидательную энергию использовать бы в мирных целях. Ведь многие из них сами оказались «сапожниками без сапогов» и часто бредут в полных потемках.

Но это не относится к нашему сегодняшнему гостю. У него как раз есть развернутая концепция, которую и хотелось бы обсудить. Я хотел бы Вас спросить, Сергей Алевтинович. *А на какую аудиторию рассчитана Ваша философская программа – человечество вообще, людей с четкой мировоззренческой позицией или тех, кого не оставило желание что-то менять в своей жизни или учиться?* Ведь к вареной рыбе обращаться уже бесполезно.

И еще одно. Вы пишете в своих тезисах: «... Дело в том, что антропология как раз имеет дело с чистой референцией: человек есть то, что и как он говорит о себе... Философская антропология блуждает в поисках своего предмета...». И это, на Ваш взгляд, является причиной того, что она «сваливается в чистую метафизику, дурную онтологию, в которой человека нет, а есть разговоры о его сущности, а значит не о нем самом, ответственным за своё бытие, а о тех силах, которые его детерминируют...». Как то одно не вяжется с другим. Человек есть одновременно то, что говорит о себе сам, и то, как его детерминируют внешние силы. Поэтому я не вижу здесь разрыва

между онтологией и антропологией. Ведь и в первом, и во втором случаях речь идет о бытии человека. Антропологию, в т.ч. философскую интересует в первую очередь сам человек, а потом уже – представления о нем самих антропологов. Наполнить её человеческим содержанием – это всё равно, что стучаться в открытую дверь. Точно так же, как и видеть в ней «абстрактное учение о границах, принципах и пределах». *Где Вы нашли метафизическую антропологию?* А если и нашли, то очевидно, что среди множества других и совершенно разных антропологий. Поэтому меня Вы не убедили в необходимости построения «онтологически укорененной антропологии» или, как Вы её еще называете, метаантропологии. Но ведь у Вас имеются и другие доводы. Не правда ли?

Смирнов Сергей Алевтинович:

2. Ю.Р.: Теперь о неклассической парадигме в философии человека. Я вообще сомневаюсь, что такая парадигма есть. Это – теоретическая конструкция тех исследователей, которые ищут оправдание своим действиям. Сначала они конструируют образ «неправильной» (метафизической, детерминистской и пр.) антропологии, приписывая ей ориентацию на поиск сущностей человека, а затем предлагают свой вариант «правильной» антропологии. Вы же сами призываете к тому, что не надо конструировать, формировать человека или рассматривать его как объект. И тут же начинаете создавать новую антропологическую дисциплину и/или практику.

Ваша позиция, заключающаяся в том, что для человека «создавать условия для самоопределения и навигации», мало чем отличается от той, которая, как Вы считаете, занимается поиском сущностей. Просто Ваша сущность («навигация») так же множится, как и другие, и наполняется новыми терминами («реперы», предельный горизонт», «место», «путь» и пр.). И этот путь в философии ничем принципиально не отличается от других. При этом я отдаю Вам должное (проделана огромная аналитическая работа) и считаю, что Вы имеете полное право на такой подход, так же, как и я, имею право на его критику. В этом меня убеждает Ваша попытка разрабатывать свой подход на контрасте с другими. Достаточно того, что у Вас есть свой взгляд на человека как путника, который сам (и каждый раз заново) определяет направление своего движения (конечно, не только и не столько сам, в чем мы убедимся далее).

Мой вопрос заключается в следующем: *в чем состоит превосходство Вашей «навигационной» методологии по сравнению, скажем, с экзистенциальной аналитикой М. Хайдеггера, которого по Вашей логике следует отнести к метафизикам? И забегая вперед, задам еще один вопрос о Хайдеггере. Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду, когда утверждаете, что Хайдеггер занялся онтологическим укоренением антропологии уже после «Бытия и времени»?*

С.С.:

3. Ю.Р.: Хотелось бы разобраться с Вашим концептом события. Вот, что Вы пишете в книге «Форсайт человека»: «Мы делаем мир настолько и таким, насколько событийны мы в мире. И события мысли о мире становятся “органами” этого мира» [2, 22]. «Человек – то есть, возможное и всякий раз открытое и проблемное бытие-событие» [2, 46]. Можно предположить, что для Вас, как и для Эльконина, которого Вы цитируете, событие есть явление идеальной формы [2, 115]. При этом Вы согласны с Хайдеггером в том, что «установление себя в просвет бытия есть событие для человека» [1, 161]. Именно стояние в просвете бытия некоторые исследователи, в т.ч. и Вы, считают спецификой человеческого бытия, которая представлена событием. Событие же у Хайдеггера является проектом осуществления бытия. Другими словами, бытие осуществляется в человеке и посредством него как событие. Оно фиксирует нашу заботу о бытии и включенность в него («участное бытие» Бахтина).

В монографии «Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека» (2016) Вы продолжаете свои размышления о событии и событийной онтологии, определяя критерии событийности человеческого существования. «В силу трансцендентности и всегда неравенства самому себе у человека главным критерием событийности становится его поступание, поступок как форма жизни в разных его видах – мысль, действие, вся жизнь и личность как поступок. И это поступание есть переступание границы себя как сущего, границы себя как ставшего, известного, привычного» [3, 14]. И далее: «Таким образом, человек, совершая онтологический прыжок и становясь событием бытия, – ключевой ориентир для онтологии человека. Бытие осуществляется как событие, если человек свершается как событие бытия, тем самым становясь, свершаясь в бытии» [3, 18].

И здесь на первый план выходит понятия «поступание» или переступание границы себя как ставшего, повседневного сущего, а также «онтологический прыжок», «стояние в просвете бытия». Но это у Бахтина и Хайдеггера. *А у Вас что такое событие? Есть ли принципиальное отличие Вашего подхода от позиции этих мыслителей.*

В монографии «Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека» Вы частично отвечаете на мой вопрос, выделяя такие признаки события, как «существенное, важное, незаменимое, памятное, уникальное» [3, 32]. Для определения события Вы вводите такие реперы (метки), как живое исполнение, нечто, имеющее место (топос), субъектное или авторское начало, наличие границы между событием и не-событием. Вместе с тем Вы полагаете, что «там, где пролегает граница между человеком и иным ему, и рождается вся проблематика событийности» [3, 44]. Казалось бы Вы приближаетесь к пониманию события. Событие, надо полагать, прокладывает границу между человеком и Иным или само выступает такой границей. Пограничность есть его второе название. Это – «пребывание на границе», которое есть в то же самое время тождество бытия и мышления и то, что находится

«между собой-сущим и собой-иным». И всё же, как я понимаю, Вы рассматриваете событие чаще всего в бахтинском смысле, как форма причастности бытию, как «участное бытие», а уже потом уже в хайдеггоровском понимании – присутствие, нахождение в бытии и пр.

Но продолжим дальше. Вот как Вы объясняете свой событийный подход: «Вместо готовой субстанциальности “неклассический” философ полагает построение через личный опыт онтологической коммуникации с Иным и обретение личного пути преобразования, личностного строительства. Тем самым он как субъект мысли встроен в мир, который устроен не матрично-иерархично, а как мир событий» [3, 26]. И немного дальше Вы специально поясняете: «Нужна опора в Ином, к которой (опоре) человек мог бы прицепиться. *Движитель есть сцепка энергийной тяги и онтологической опоры в Ином.* Человек встаёт на собственный предел и силой энергийной тяги через онтологическую опору вытягивает себя. Такой способ есть собственно человеческий способ быть, человеческий тип заботы о бытии. То есть, в пределе, событие. Тогда антропология есть рефлексия по поводу такой онтологически укоренённой антропопрактики, которую проделывает и сам антрополог» [3, 30].

Но что, на Ваш взгляд, может дать антрополог, вооруженный событийной онтологией и методом антропологической навигации, обычному человеку? Или он только объясняет механизм навигации, а каждый человек совершает собственный онтологический прыжок, полагаясь на свой, как Вы говорите, «движитель»?

С.С.:

4. Ю.Р.: Теперь о самом *методе антропологической навигации*. Вы называете его методом «проторивания Пути и оснащения того, кто идет по пути, составляя навигационную карту-путеводитель». Я бы назвал такого человека, используя Вашу терминологию, «проторивателем», который в отличие от тех, кто напоминает охотника за человеком-зверем и опутывает последнего сетью категорий, указывает точки-ориентиры. Вопрос лишь в том, кому и зачем нужен такой метод – антропологу или самому человеку, прокладывающему свой путь и не подозревающему о существовании самого антрополога. И какую роль выполняет при этом антрополог: он разрабатывает метод или составляет карту-путеводитель? Но у меня складывается впечатление, что нет вообще никакого адресата у метода антропологической навигации. Это всего лишь – аналитическая конструкция. А, следовательно, нет и человека, кому изначально антрополог адресует этот метод. Человек – это так, не более чем средство для реализации его метода. «Чистая абстракция» или имя существительное.

Уточню свой вопрос. *Если задача человека состоит в том, чтобы «прокладывать путь к самому себе, собственной личности», то причём тут антрополог? Он, что ли, определяет то, как дальше жить человеку и*

куда ему идти? Или, может быть, он бежит впереди человека, расставляя на его пути метки или вешки?

Конечно, я несколько искажаю предложенную Вами роль антрополога? Но ведь и Вы, Сергей Алевтинович, именно ему приписываете «работу над методом навигации», которая состоит в том, чтобы строить систему координат (точек-ориентиров). А значит есть и тот, кому предназначена эта система координат, т.е. какой-то человек. Тогда очевидно, что последнему Вы отводите роль туриста, которого умелый проводник (он же антрополог) ведет через лабиринты жизни. *И чем он лучше того, кто выстраивает систему категорий и пытается поймать в неё как сеть «убегающего зверя», т.е. человека?*

Ведь в подобной ситуации классический антрополог в отличие от Вашего неклассического антрополога поступает куда более предсказуемо. Он пытается объяснить поведение человека, используя весь арсенал доступных ему методов. Ваш же неклассический антрополог или мета-антрополог фактически манипулирует поведением этого человека, предлагая ему помощь в составлении карты-путеводителя. И в этом он заведомо сильнее и опытнее обычного путника. А значит у него есть возможность повести его по ложному пути или предоставить ему псевдометки. *Ведь если человек несет нравственную ответственность за свое бытие, проявляя заботу о себе или осуществляя практики заботы, то зачем ему вообще нужен поводырь, пусть даже в совершенстве владеющий методом антропологической навигации? Не для того ли, чтобы вести его в нужном (для себя) направлении, как пастух ведет своих овец? Получается, что только он один знает то, куда идти или как найти правильное место. Вы же утверждаете, что Ваш метод «работает» в ситуации, когда у человека нет готовых ориентиров, а старые стерты или поставлены под вопрос. При этом у «человека по жизни» нет также готовой карты и ему приходится прокладывать свой путь, ориентируясь по неведомым ему меткам. Интересно, как он их определяет – интуитивным образом или полагаясь исключительно на помощь своего поводыря (антрополога)?*

Мне непонятно также практическое применение метода антропологической навигации. *Как можно (или возможно ли) обучить человека этому методу, не навязывая ему свои представления о ценностях и нормах? И почему нужно изначально помещать человека в ситуацию онтологической дезориентации? Неужели он «по жизни» – весь такой дезориентированный лох? Или ему просто не хватает проводника, обладающего соответствующим опытом навигации?*

С.С.:

5. Ю.Р.: В соответствие со своим методом Вы предлагаете произвести смену оптики (на мой взгляд, лучше всё-таки сказать – видения) и самого способа понятийной работы. Но отказ от прежних понятий или концептов (таких, как сущность человека, его объектность или субъектность,

субстанция и пр.) не приводит автоматически к появлению новой оптики. Вряд ли смогут изменить ситуацию и новые понятия-ориентиры, в т.ч. «путь, место, горизонт, исток, энергия движения, навигация, событие, жизненное самоопределение, жизненная траектория, биография, автобиография, карта пути, карта личности, автор, антропопрактики заботы о себе, антропопрактики личностного строительства, репертуар антропопрактик и т.д.». От того, что Вы меняете их функциональное назначение и переводите из статуса определителей в статус указателей, ситуация принципиально не меняется. К тому же Вам всё же приходится оставить, хотя и переосмыслить, ряд терминов, таких, как «личность, трансцендирование, экзистенция, событие, синергия». А это значит, что Вы обновляете не весь концептуальный аппарат, а лишь его часть.

Поэтому получается, что, изменяя базовые акценты, Вы меняете логику исследования, но не меняете принципиально картину мира. *Что Вы можете на это возразить?*

С.С.:

6. Ю.Р.: Концепт жизненных траекторий не является открытием последних лет. Его давно используют в психологии и антропологии, литературоведении и историографии (биографический подход, жизнеописания, дневники и пр.). Имеется также опыт и философских разработок (те же Дильтей, Бахтин и др.). Вы сами отмечаете, что таких исследовательских жанров много.

Мои возражения состоят в следующем. Используя биографический метод, Вы не совершаете исследовательского поворота. Меня не покидает подозрение, что Вы строите свой конструктор «из того, что было» и Вам не на что опереться, кроме общеизвестных подходов. Однако я не могу не признать Ваше стремление предложить программу неклассической антропологии и включить в её содержание всё то, что выпадает из традиционных, базирующихся на субстанциализме подходов. Но пока это – всего лишь попытка.

Если я не прав, то у Вас есть возможность привести собственные доводы и опровергнуть мои предположения.

С.С.:

7. Ю.Р.: Сергей Алевтинович! Поясните, пожалуйста: *что дает Вам введение термина «антропологический картоид», указывающий на свойства дневника, карты и путеводителя по аналогии с термином «географический картоид»?* Я понимаю, что для Вас – это часть личностной навигации человека. И с этим я готов отчасти согласиться. Пока же я не совсем понимаю роль антрополога в этом процессе. Вы пишете, что «антрополог, в отличие от обычного человека, занимается этим профессионально». Он подобно специалисту по выживанию выступает в качестве тренера или проводника. Вот здесь, как мне кажется, и зарыта собака. Я уже высказал ранее подозрение, что Ваш антрополог становится чем-то похожим на гуру, у

которого имеется явное преимущество перед обычными людьми и возможности для манипулирования. Ведь антрополог тоже человек и «ничто человеческое ему не чуждо». Что мешает ему использовать свои знания и опыт в личных целях? Мне бы не хотелось бы попасть в руки такого антрополога.

Может быть Вам, Сергей Алевтинович, стоит ограничиться исследовательским подходом и не пытаться влиять на антропопрактики других людей? То, что каждый человек оснащен навигационными навыками или имеет свой персональный картограф, следует рассматривать как исследовательскую перспективу, а не как предмет заботы самого антрополога. Пусть последний лучше позаботится о себе родном. Нужно исследовать механизм антропологической навигации, но не привносить в него нормативные представления самого исследователя, иначе он перестает быть философом (или ученым) и превращается в предводителя или вождя, мастера или наставника, «учителя жизни» или обыкновенного идеолога. Развейте, пожалуйста, мои опасения.

С.С.:

8-9. **Ю.Р.:** В своих тезисах Вы пишете: «Для содержательного развития практики антропологической навигации необходимо далее выстраивать концепт и репертуар *антропопрактик заботы*». При этом Вы ссылаетесь на опыт М. Фуко и П. Адо в разработке понятий «практик себя» и других антропопрактик заботы. Насколько это необходимо, Вам, конечно, виднее. Меня же волнует другой вопрос: *можно ли сводить всё многообразие человеческих практик к практикам заботы или делать их основополагающими?*

Среди прочих практик Вы особо выделяете автопоэзис. Как известно, автопоэзис означает практику самопроизводства и самотворения. Вы пишете о нем как об опыте самопреображения человека, иллюстрируя на примере поэтического творчества. Но ведь всё в мире взаимосвязано и нет в нем такого существа, которое порождает само себя без участия внешних условий или факторов. Человек как биосоциальное существо не является обособленной частью мира. Он сам сотворен и в то же самое время творит самого себя. Он – автор своей судьбы и участник жизненной истории других людей, а также всего сущего. Думаю, что Ваше понимание базируется на представлении о том, что человек как хозяин и творец собственной судьбы должен в первую очередь заботиться о себе, а не о ближнем, а самое главное в антропопрактиках – это забота о себе. Именно таким, как я предполагаю, Вы видите человека и его бытие. А антрополог, похоже, должен ему в этом помогать, т.е. содействовать в поисках пути к самому себе.

Вот какой получается расклад. Человек заботится о себе, а о нем заботится антрополог. *Но кто же позаботится о самом антропологе? Господь Бог или Главный антрополог страны и всего мира?* Но одно мне очевидно. Таким образом формируется некая новая тоталитарная организация во главе с теми, кто самолично назначил себя антропологами и взял на себя

ответственность за обеспечение других людей средствами навигации. Если Вы не согласны с такой интерпретацией, то приведите свои аргументы.

С.С.:

10-11. **Ю.Р.:** В Вашем понимании человек изначально дезорганизован и подвержен влиянию умных технологий. Он ведет себя как неразумное существо, а по сути – как ребенок, испытывающий постоянный соблазн перед новыми технологиями (своего рода новыми «игрушками») и передающий Другому («взрослому») свои прежние функции, отказываясь тем самым от своей самости. Вот тут-то как раз и появляется на сцене антрополог, чтобы своевременно провести диагностику ситуации человека и помочь ему найти правильные ориентиры. На вооружении у такого антрополога имеется гуманитарная экспертиза, «связанная с перенормированием и пересмотром базовых опор или ориентиров».

Другими словами, человеку как существу дезориентированному и находящемуся в ситуации неопределенности («плавающей границы» и пр.) предлагаются услуги по его самопреобразованию и, разумеется, при его непосредственном, хотя и пассивном участии. При этом он участвует в спектакле жизни, который за него придумали антропологи или эксперты, предлагающие ему «базовые опоры и ориентиры». Если следовать данному подходу, то трудно найти различие между так понимаемой гуманитарной экспертизой и социальной или человеческой инженерией, которую применяли в самых неблагоприятных целях, в т.ч. в практике колониального управления или в деятельности крупных корпораций по «выжиманию пота» из наемных работников с целью увеличения производительности труда и роста прибыли.

Неужели Вы, Сергей Алевтинович верите в гуманистический смысл любых технологий, применяемых к человеку, в т.ч. и гуманитарной экспертизы? Последнее время я стал избегать терминов с прилагательным «гуманитарный» («гуманитарная помощь», «гуманитарное сотрудничество», «гуманитарное развитие», «гуманитарные технологии» и пр.). Они, как, например, «гуманитарные технологии» искажают смысл человеческого, низводя его до уровня манипулятивного воздействия. Исключение составляют гуманитарные науки (история, филология, искусствоведение и др.). Может быть, не случайно Б.Г. Юдин и другие известные специалисты по биоэтике ратовали за этическую экспертизу и стремились защитить человека от неблагоприятных факторов техногенной цивилизации, а также обеспечить его физическую и психологическую безопасность?

С.С.:

12. **Ю.Р.:** Относительно форсайтных исследований я с Вами спорить не буду. Безусловно, они нужны. Но и они не являются изобретением философов или социологов и уже давно проводятся экономистами как один из способов сценарного прогнозирования социально-экономического развития общества. Меня удивляет Ваше желание использовать в своих разработках

многие новомодные иностранные термины. *К чему такая тяга к подобным выражениям? Неужели о Вашей навигационной антропологии нельзя рассказать русскими словами? Почему бы не говорить об исследовании будущего человека и других понятных всем вещах? У нас ведь достаточно богатый словарь русского языка.*

С.С.:

13. Ю.Р.: И. наконец, последний, тринадцатый вопрос. На недавнем Вечере с Владимиром Соловьевым (10.06.19; <https://www.youtube.com/channel/UCPkDvaKV6u6FgM650A0pdCA>) поднимался вопрос о необходимости совершенствования человеческой природы. При этом несколько раз упоминались философы и Институт философии РАН. Кто-то из бывших военных сказал, что философы занимаются «болтологией». Высказывались также шуточные предложения о том, что академическими институтами должны руководить полковники. Владимир Соловьев в этой связи привел шутку: «если Вы такие умные, то почему не ходите строем». Он высказался также в том духе, что сегодня нужно заниматься в первую очередь человеком, а не экономикой и технологиями. Конечно, кому, как не ему знать об этом.

Фактически нам философам брошен вызов. Чтобы Вы сказали этим политологам в ответ на их претензии к философии и её отношению к совершенствованию человеческой природы? Может быть, Вы могли бы предложить свой ответ с учетом возможностей навигационной антропологии?

С.С.:

Ю.Р.: Сергей Алевтинович! Спасибо за возможность поговорить с Вами на интересующие меня темы. Извините меня заранее, если мои вопросы задели или чем-то обидели Вас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки) // Человек. RU. 2018. № 13. – С. 165-175.
2. Смирнов С.А. Форсайт человека: Опыт по неклассической философии человека. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015.
3. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. – 438 с.